Храм Далеичи.

Это святое место. Для большинства людей в западных регионах это святое место, которое они готовы защищать своей жизнью. Я не знаю, сколько людей приезжают издалека каждый день, каждый месяц, каждый год. Я прошел три шага и направился в сторону храма Лейчи. Может быть, эта прогулка длится всю жизнь, но они не жалуются.

Однако большинство людей, приезжающих на паломничество, не имеют возможности увидеть Будду.

Для того чтобы облегчить паломничество верующих, храм Далейчи, хотя и был построен на склоне горы, потратил много рабочей силы, материальных и финансовых средств, чтобы построить широкий проспект, ведущий прямо к храму Далейчи. Говорят, что это проспект, на самом деле это очень широкий шаг. Даже если сто человек пройдут бок о бок, они не почувствуют тесноты. Каждый шаг сделан очень ровно и очень прочно.

Самое священное, что на каждой ступеньке вырезан белый лотос, символизирующий чистоту и благоприятствование. Монах из храма Далейчи сказал, что под сиденьем Будды находится платформа с лотосом. Все существа равны, поэтому Будда сделал лотосовые ступени, и у каждого есть лотосовое сиденье.

Монах в белом шэнсюэ поднимался по каменным ступеням вместе с нескончаемым потоком людей, с тем же выражением лица, что и эти люди. Все верующие будут избегать его, когда увидят, что он поднимается по ступенькам, а затем благоговейно склонятся.

Белый монах всегда мягко кивал, не пропуская ни одного.

Несколько великолепных людей, построенных в храме Далейчи, - это не столько храм, сколько большой город с талантами и культурой. Масштабы здесь не меньше, чем в городе Дакси Цзиньлин, а архитектура здесь полностью отличается от стиля города Цзиньлин. В городе Цзиньлин есть великолепие и маленькая яшма, и каждый дом здесь заставляет людей чувствовать себя торжественно.

Белый монах быстро поднялся по ступеням, но на мгновение замешкался у дверей храма. В его глазах мелькнула тревога и сомнение.

Изнутри вышел монах и, взглянув на него, негромко сказал: "Брат Сюань Тин, учитель уже ждет тебя".

Сюань Тин поклонился и поблагодарил, а затем пошел вперед. Казалось, что в этот момент он ни о чем не беспокоился. Когда я не вошел в дверь, я почувствовал нежелание и тоску. Тоска тоже была. После того как я вошел в дверь, я почувствовал себя как камень.

Под дверью Будды есть четыре главных ученика, и первый ученик - это общий закон. Монах Да Ши также является первым из Зала Заповедей храма Лэй Чи. Его имя символизирует справедливость и ясность в храме Лэйцзи. Не только в храме Да Лэй, но и во всем Западном регионе люди считают, что монах Да Ши является **** заповедей в Западном регионе.

Обычный монах - это очень особенный человек. Даже если обычный монах не обладает добросердечием и добродушием, он должен культивировать доброту и добродушие. А у обычного монаха, кажется, бродячее лицо, незлобивое, он не улыбнется ни разу, кажется, что в его выражении нет такой улыбки.

Монах-генерал очень высокий, в оранжево-красной монашеской одежде, в рясе, сидит, скрестив ноги, на огромной платформе из черного нефритового лотоса. Согласно правилам и предписаниям, лотосовая платформа монаха-генерала - вторая в храме Далейчи, и цвет ее уникален. Черный цвет более спокойный и холодный, символизирующий целостность зала заповедей.

"Ты не должен вернуться".

Монах-генерал открыл глаза и посмотрел на Сюань Тина.

Сюань Тин сначала наклонился со сложенными руками, затем встал на колени, положив руки по обе стороны от земли, ладонями вверх, а лбом коснулся земли: "Ученик должен вернуться. Ученик знает, что мастер разочарован".

"Ты единственный из второго поколения учеников в храме Великого Лейчи, кто уже построил золотое тело и стал почтенным человеком.

Ваше будущее, которое изначально было самым несчастливым, также является первым в этом зале заповедей. Но ты решил жить в соответствии с... ...разочаровать меня, разочаровать Будду, разочаровать свой собственный несравненный талант. Учитель даже сказал, что в будущем вы сможете превзойти любого предшественника в понимании Дхармы. "

Монах-генерал на некоторое время замолчал, в его глазах появился гнев, который не был выпущен наружу: "И ты решил уйти. Если ты не вернешься, я буду относиться к тебе только как к странствующему монаху. Когда ты вернешься, это будет прощанием".

"Учитель, ученик вошел в пещеру Вуконг в то время и почувствовал мысли, оставленные Цяньсянем. Цяньсянь был просветлен в пещере Вуконг так долго, что не понимал ни одного пустого слова. Ученик пробыл в ней всего три дня, но уже осознал свою беду. . Учитель, это реинкарнация. "

Монах-генерал покачал головой: "Это тебя контролирует Мо Нянь... Сюань Тин, я однажды сказал. Ученики под моей дверью совершали ошибки, и в этом нет никакой вины. Для тебя же я неоднократно делал исключения, даже сломал кольцо. Ты действительно... действительно не можешь проснуться? У тебя своя жизнь, свой путь, а не чей-то еще. "

Сюань Тин склонил голову: "Учитель, ученик хочет спросить только два предложения, когда он вернется, только два предложения".

Монах-генерал на мгновение замолчал: "Ты спрашивай".

Сюань Тин поднял голову: "Первое предложение ... мир действительно может быть перерожден".

Монах-генерал на этот раз долго молчал, а затем кивнул: "Да".

Сюань Тин снова спросил: "Второе, я тот самый?".

Цвет лица монаха резко изменился, и он замахал руками: "Тебе пора идти".

Сюань Тин встал: "Если Учитель не может ответить, я спрошу Будду".

Яростно встал: "Тебе еще не хватало проблем? Каким бы большим ни был храм Далейчи, ты не

сможешь вместить свои семь эмоций и шесть желаний. Учитель удаляется и не увидит тебя".

Сюань Тин стоял и смотрел в глаза своему Учителю, а через некоторое время поклонился ему и сказал: "Ученики ушли. Пусть Учитель уважает Кан Сяншена и никогда не беспокоится. Пусть Великий храм Лейчи, благовония будут бессмертны и пребудут вечно". . "

Он повернулся и остановился: "Иди сюда ... Нет дней, чтобы встретиться снова, мастер, вы действительно отказываетесь сказать?"

Монах-генерал повернул голову и посмотрел на стену: "Поторопись и уходи, не жди, пока я заставлю кого-нибудь тебя выгнать".

В этот момент над небом вдруг раздались мелодичные звуки, похожие на звон золотого колокольчика. Молодой монах в белой монашеской одежде, всего одиннадцати или двенадцати лет от роду, ступил на разноцветные облачные символы вдалеке, и вокальная музыка медленно опустилась на вход в зал. Позади него кружили всевозможные красивые птицы, и ему долго не хотелось уходить.

Молодой монах шагнул в главный зал Зала Заповедей и остановился, дойдя до середины, сложив руки: "Ученик Чанпин, посмотрите первого".

"Как ты пришел?"

Лицо монаха-генерала изменилось.

"Государь сказал, у Сюань Тина два бедствия, одно прошло, а другое - нет. Первое бедствие, даже если оно не пройдет, будет мертвым. Если второе бедствие пройдет или нет, оно будет мертвым, а не живым нет".

Молодой монах склонил голову: "Значит, мне есть что сказать лично брату Сюаньтину. Позвольте мне пригласить его в Цинчжулин".

Монах-генерал посмотрел на своих учеников, на его лице осталась только печаль: "Вы ... идите, слушайте учение Верховного Мастера. Ваша жизнь не должна быть такой..."

Он опустил голову и щелкнул рукавом: "Идите!".

Сюань Тин повернулся и пошел. Когда он подошел к двери, то не удержался и оглянулся еще раз, а затем встал вместе с маленьким монахом Чанпином на разноцветное облако. Разноцветные облака медленно взлетели, а затем полетели к вершине горы.

Разноцветные птицы все еще были в пути, пели и танцевали.

А в это время Ямасита.

Белобородый старый даос шел с молодым человеком, выше его ростом. В этот большой храм Лейчи даос приходил лишь дважды с момента его завершения. Оба раза это был он. Только в последний раз он пришел, когда нынешний Будда еще не родился.

Молодой человек выглядел сильно израненным, и вокруг него не было ни одного хорошего места. Но старик ничуть не огорчился. Он шел вперед с поясом в руке, а ноги юноши волочились по земле.

"Ты можешь..."

сказал Ань Чжэн, задыхаясь: "Можешь ли ты получить хоть немного того поведения, которое должно быть у старшего? Ты так нес меня всю дорогу, не устал ли ты?"

Старик посмотрел на Ань Чжэна сверху вниз: "Вот чудак, и он еще может так разговаривать".

Ань Чжэн: "Я могу говорить, даже если мне станет хуже".

Старик с силой бросил Ань Чжэна на землю, и Ань Чжэн болезненно застонал.

Лао Тао сказал: "Рядом с этим большим храмом Лейчи Будда чувствует место неба и земли. Когда слышишь звуки благоприятствования и смотришь на торжественные и величественные горы, нет никакого понимания. Хочешь, я напомню тебе, что это понимание есть Если ты будешь должен, тебя побьют. "

Ань Чжэн: "У меня действительно есть понимание, которое выше, чем то, что ты сказал".

"О? Ты действительно понимаешь?"

"Действительно".

"Какое понимание?"

"Когда я победил тебя, я должен нести твой пояс на протяжении десяти тысяч миль. Половина ноги в песке при переходе через пустыню, половина ноги в траве при переходе через траву, половина ноги при переходе через реку В воде. О ... нет, ты намного короче меня, моя полунога почти так же высока, как твоя шея. "

Старик наклонился, на этот раз вместо пояса Аньчжэна он схватил его за лодыжку.

Ань Чжэн повернулся лицом вверх, когда старый даос начал подниматься по каменным ступеням, затылок Ань Чжэна продолжал ударяться о ступени.

Упс, упс, упс... Аньчжэн был оскорблен и не мог не спросить: "Ты старший эксперт, или, возможно, самый могущественный старший эксперт в Даоцзуне, разве ты не можешь быть добрым? Ты очень плохо ко мне относишься. Думаю, вам стоит попросить меня сменить позу. "

Старик закричал, перевернул Ань Чжэна вверх ногами, а затем потянул его за лодыжку, продолжая идти вверх. Этого хватило, чтобы голова Ань Чжэна стучала по ступенькам, его губы царапали ступеньки, пу, пу, пу...

Ань Чжэн смог найти время, чтобы заговорить: "Ты так мучил меня и думал о своем будущем?".

Старик: "Если ты еще раз заговоришь, я выбью тебе язык".

Ань Чжэн: "Хахахаха, не верь!".

Лао Тао: "Даю тебе два варианта. Первый - я хватаю твой язык и поднимаюсь. Второй, я разрезал твой язык и вытер его как тряпку".

Ань Чжэн: "Ты ... забудь об этом".

Лао Рен: "Похоже, ты не очень убежден?".

Ань Чжэн промолчал.

Старик оглянулся на Ань Чжэна, а затем рассердился: "Почему ты не отвечаешь".

Ань Чжэн: "Вы только что сказали, что я выбью себе язык, когда снова заговорю. Я поддался. Чего еще ты хочешь? Ты стар, и твой язык остался только для того, чтобы различать вкус. Я все еще молод, и мой язык все еще там. Есть и другие применения. "

Старик остановился и после минутного раздумья вдруг понял: "Ты ... **** негодяй".

Ань Чжэн: "Можешь ли ты понять, что ты не разбойник?"

Старик больше не говорит, просто идет все быстрее и быстрее. Ань Чжэн ударился лицом о ступеньки и закатил глаза. Он сказал, что так и будет терпеть. В любом случае, это уже уродливо до крайности. Я не боюсь уродства. Все удивленно посмотрели на старого даоса и сочувственно посмотрели на Аньчжэна.

Вдали в зеленом бамбуковом лесу стоял Будда и в оцепенении разглядывал текстуру бамбука. Услышав шаги, я оглянулся и увидел монаха Сюаньтина, но не монаха Сюаньтина.

"Дух Инь не рассеялся".

Будда сказал четыре слова, которые имели очень сложный смысл.

На полпути в гору Ань Чжэн спросил: "Куда ты меня поведешь?".

"В Лэй Чи".

"А? Старший, ты так добр? Как, по-моему, тебя будут рубить, когда ты отправишься в Лэйчи. Если твоя добродетель не очень хороша, тебя будут рубить. А если такой пожилой старший, как ты, войдет, и случится гроза?

Пока он говорил, старый даос внезапно вспыхнул, и Ань Чжэн уже покинул каменные ступени, когда его зрение прояснилось, появился на очень большой платформе и некоторое время шел вперед. Глубокие ямы, внутри бушует фиолетовое пламя.

Старик бросил Ань Чжэна в глубокую яму, а затем развернулся и ушел.

Ань Чжэн крикнул в воздух: "Просто уйти? А как же я?"

Старый даос произнес: "Это было бы бесполезно для пожилых людей, а не для отцов. Ты умрешь здесь, в любом случае умрешь, если пережил Лэй-цзи и наказание храма Великого Лэйчи".

"Отец!"

позвал Ань Чжэн, прежде чем упасть в яму.

Старик споткнулся: "Ты болен".

Ань Чжэн с громким стуком упал в яму: "Я попробую, правда, это не работает".

http://tl.rulate.ru/book/11864/2198093